

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ XIII.

1908.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ *).

*Д. Н. Овсяннико-Куликовский, профессор Харьковского университета. Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка. Изд. И. Д. Сытина. Стр. 237+VIII. Цѣна 75 коп.

Нынѣ издаваемое руководство Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго лишь отчасти представляет переработку его „Синтаксиса русскаго языка“. Первая половина книги написана заново, много подобрано также новыхъ примѣровъ. Кромѣ того книга освобождена отъ историческихъ справокъ изъ стараго русскаго и церковно-славянскаго языковъ.

Хотя книга и отличается такимъ образомъ лингвистическою упрощенностью, но назначается она, по словамъ автора (стр. 3), для преподаванія въ старшихъ классахъ, гдѣ учащіеся знакомы уже практически съ формами и древне-русскаго и старо-славянскаго языковъ.

Открывается руководство г. Овсяннико-Куликовскаго введеніемъ, гдѣ авторъ путемъ уподобленій, а также предполагая у учащихся нѣкоторое знакомство съ психологіей, разъясняетъ своимъ читателямъ термины: звуковая форма, значеніе слова и грамматическая форма. Глава эта имѣетъ нѣсколько неясностей. Напримеръ, изъ изложенія г. Овсяннико-Куликовскаго выносятся впечатлѣніе, будто, по его мнѣнію, грамматическая форма слова не есть нѣчто входящее *въ сознаніе каждою юворящаю*, а мыслится лишь людьми, знающими грамматику. Если авторъ не хотѣлъ этого сказать, то онъ выразился неясно; если же хотѣлъ, то для насъ непонятно, какимъ образомъ объясняетъ себѣ авторъ, что люди могутъ выучиться грамматикѣ.

Едва ли научно-доказуемымъ можно назвать и утвержденіе автора,

*) Отзывы, отмеченные звѣздочкой, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

что „въ живой рѣчи, въ практикѣ мышленія грамматическая форма остается въ тѣни, не проникаетъ въ свѣтлую точку сознанія“ (стр. 10). Если я скажу: „молчать!“, не „поди“, а „подите!“ или употреблю выраженіе въ родѣ: „Эхъ кабы матушка Волга да вспять побл-жала“, то грамматическая форма съ тѣмъ ея не словарнымъ, а именно формальнымъ значеніемъ, которое въ данномъ случаѣ слову или сочетанію словъ придано говорящимъ, несомнѣнно подчеркивается и въ сознаніи стоитъ на первомъ планѣ. Слушая иностранца или чловѣка говорящаго на чуждомъ для насъ діалектѣ извѣстнаго языка, мы также постоянно обращаемъ вниманіе на грамматическую форму словъ и выраженій.

Затѣмъ г. Овсянко-Куликовскій разсматриваетъ части рѣчи. Здѣсь мы встрѣчаемся съ той же особенностью классификаціи, которую мы уже отмѣтили въ его элементарномъ учебникѣ грамматики. Числительныя количественныя и часть мѣстоименій попадаютъ въ категорію существительныхъ. Съ этимъ еще кое-какъ можно бы было примириться, если бы, по новой системѣ, иногда не расходилось на двѣ категоріи даже одно и то же слово или слова весьма близкія другъ другу по грамматической формѣ: такъ слово *всякій* у г. Овсянко-Куликовскаго—*существительное* (стр. 16), а *этакій, такой*—*прилагательное* (стр. 17). Но какъ же научить ученика не сбиваться въ распредѣленіи словъ по категоріямъ? А для этого ему придется приложить къ слову, которое ему надо приурочить къ той или другой категоріи, слѣдующій критерій:

„Наконецъ мы можемъ, не выражалъ самаго представленія даннаго признака (напримѣръ, *блвыій, высокій* и т. д. [?]) обозначить въ словѣ только то, что это представленіе отлито въ форму признака (а не другую, напримѣръ, предмета) и притомъ признака, присущаго вещи, *наиссисто въ немъ пребывающаго*. Такъ выходитъ, когда мы говоримъ: *такой, какой-то, этакій* и т. д.“ (стр. 17).

Между тѣмъ ранѣе въ число существительныхъ (стр. 16) попали: *тотъ, тотъ, всякій, который* (?).

Согласитесь, что въ этой классификаціи есть широкій просторъ для произвола, и что авторскія и т. д. могутъ сбить не только ученика, но и учителя.

Но еще хуже обстоитъ дѣло съ глаголами. Они дѣлятся на 4 категоріи, по убывающей знаменательности, при чемъ глаголь *жить* попадаетъ въ первую категорію, а *существовать* въ третью; глаголь *быть* (по классическому выраженію, *испомогательный*) одинъ соста-

влетъ у г. Овсянко-Куликовского категорію *незнаменательнаго*, а *быть любимымъ* украшаетъ собою первую категорію глаголовъ полной знаменательности. Это—что хотите, только не грамматика, тѣмъ менѣе грамматика русскаго языка.

Причастіе и дѣепричастіе выделяются г. Овсянко-Куликовскимъ въ особую категорію, но такъ какъ это въ то же время и глагольныя формы, то къ нимъ примѣняется въ новомъ руководствѣ та же классификація по убывающей знаменательности:

Только почему-то для причастій оказывается лишь три категоріи (22). Развѣ, чтобъ быть послѣдовательнымъ, авторъ не могъ дать такого же примѣра на формальное *бышій*, какой данъ имъ на стр. 25 для *будущи*? Это вовсе не такъ трудно:

Во второй главѣ изъ области *grammaire générale*, перенесшей насъ къ началу XIX вѣка, мы должны вновь перейти съ авторомъ въ область психологій; если, конечно, эта наука вѣдаетъ такія явленія, какъ *предвирующее движеніе мысли* (стр. 33); и если съ точки зрѣнія психолога можетъ имѣть цѣнность слѣдующій, напримѣръ, абзацъ изъ учебной книги г. Овсянко-Куликовского:

„Когда я говорю: *блещетъ, шумитъ*, я (такъ чувствуется) произвожу болѣе сложную и болѣе энергичную работу мысли, чѣмъ когда я говорю: *блѣтый, близна, шумъ, шумный*“ (стр. 32).

Во всякомъ случаѣ, когда авторъ во второй главѣ ближе подходитъ къ тому, что мы называемъ грамматикой, то мы находимъ или опредѣленія по содержанію своему элементарныя (опредѣленія, дополненія и т. п.), или утвержденія довольно произвольныя.

Напримѣръ, на стр. 50 авторъ хочетъ, чтобы спрашивали не *чей* домъ? Домъ *кутца*,—а домъ *кого*? Цѣлая страница посвящена разъясненію того, что въ сочетаніи *домъ кутца*, *кутца* есть точно дополненіе, а не опредѣленіе; хотя бы, кажется, и доказывать этого вовсе не стоило. Все дѣло въ *условіи*, которое полагается нами въ основаніе снѣтасическаго классификаціи. Доказать и объяснить здѣсь что-нибудь по существу, по моему, даже нельзя.

Въ главѣ третьей мы, наконецъ, входимъ въ область *русской грамматики*. Рѣчь идетъ о составномъ связуемомъ.

Здѣсь и интересныя примѣры (стр. 56 сл.), характеризующіе русскую рѣчь, и мѣстныя разграниченія.

Отмѣчаю также съ особымъ удовольствіемъ стр. 67, гдѣ понятіе о *сокращеніи придат.* *предлож.* устраняется изъ грамматическаго обихода, какъ излишнее и противорѣчащее исторіи русскаго языка.

Хотя авторъ и писалъ выше, что онъ не будетъ касаться исторіи языка, но иногда онъ, въ счастію, уклоняется отъ этого намѣренія, и на 71 стр. мы находимъ въ этомъ смыслѣ хорошее освѣщеніе вопроса о дѣяпричастіи, какъ формѣ, происшедшей изъ причастій.

Менѣе удовлетворила насъ глава, посвященная инфинитиву. Прочитайте, напримѣръ, слѣдующее опредѣленіе инфинитива:

„Инфинитивъ есть глагольная форма, происшедшая отъ существительнаго отглагольнаго, выражающая *возможность отношенія* (?) къ лицу, которое (лицо) выясняется только въ контекстѣ фразы, и служащая для обобщеннаго обозначенія глагольности представленія (или понятія) въ лексическомъ содержаніи слова“ (стр. 86)...

Не трудно видѣть, что здѣсь вовсе не одно опредѣленіе, а нѣсколько, и притомъ такихъ, которыя составлены съ разныхъ точекъ зрѣнія. Сначала введенъ признакъ, заимствованный изъ исторіи языка, затѣмъ изъ употребленія инфинитива въ рѣчи, и наконецъ опредѣленіе выводится изъ рассмотрѣнія инфинитива, который берется въ фразы. Такое смѣшеніе точекъ зрѣнія въ учебной книгѣ во всякомъ случаѣ не допустимо. Я не говорю уже о томъ, что опредѣленіе все же не полно: такія фразы, какъ „*кажется, жить бы да жить*“, не подойдутъ подъ опредѣленіе г. Овсяннико-Куликовского. Наконецъ, что это значить „*возможность отношенія*“?

Слѣдующіе за теоретической частью главы примѣры съ ихъ классификаціями показались мнѣ очень удачными.

Отмѣчу также страницы, посвященные образцамъ различныхъ значеній мнимаго повелительнаго, съ прекраснымъ подборомъ примѣровъ изъ русской художественной литературы.

Но съ залогомъ мы опять выходимъ изъ области изученія русской рѣчи. Вотъ опредѣленіе залога (стр. 121):

„Залогамъ называются тѣ глагольныя формы (?), которыя воспроизводятъ отношеніе подлежащаго къ сказуемому, представляя подлежащее либо какъ дѣятеля (все равно подлиннаго или фиктивнаго), производящаго признакъ, данный въ сказуемомъ, либо какъ недѣятеля или какъ дѣятеля мнимаго, который не производитъ признака, даннаго въ сказуемомъ, и только отвѣчаетъ на вопросъ: кто? что?“.

Все это очень хорошо, но представьте себѣ, что вамъ даны не предположенія, а инфинитивы *сидѣть* и *видѣть*. Какъ вы объясните на этихъ словахъ, что такое залогъ, если примете опредѣленіе г. Овсяннико-Куликовского?

... Мѣткія замѣчанія, когда дѣло коснется формъ языка народной

поззія (напр., на стр. 163), и превосходный подбор примѣровъ на хорошо распределяемые явленія русскаго синтаксиса перемежаются въ книгѣ г. Овсянко-Куликовскаго почти на всемъ протяженіи ея съ теоретическими положеніями и опредѣленіями мало пригодными особенно въ книгѣ, назначенной для учениковъ. Кромѣ уже приведенныхъ мною выше оправданій этого утвержденія, укажу на стр. 172 съ замѣчаніями о безсубъектномъ предложеніи. Тамъ мы находимъ указаніе, что въ словѣ *протививай* (въ словосице) дается „вовсе не грамматическое лицо, а лицо *неопредѣленное, обобщенное* (?), — то самое, какое (sic!) выражается инфинитивомъ“.

И. Анисимій.

*А. Владимірскій. Практическій учебникъ русской грамматики. Для приготовительныхъ школъ и младшихъ классовъ (I, II) среднихъ учебныхъ заведеній. Нижній-Новгородъ. 1907 г. Стр. III+152. Цѣна 75 к.

Практическій учебникъ г. Владимірскаго имѣетъ нѣкоторыя отличія отъ книгъ подобнаго рода. Авторъ сомнѣвается въ полезности диктовокъ, если имъ не предшествуютъ упражненія въ сознательномъ грамотномъ написаніи словъ, и въ этомъ отношеніи съ нимъ трудно не согласиться. Кромѣ того, въ самомъ курсѣ грамматики г. Владимірскаго дѣлается также одно нововведеніе, которое должно быть признано полезнымъ, а именно онъ знакомитъ съ составомъ слова ранѣе, чѣмъ съ грамматическими формами. Я считаю такое распредѣленіе грамматическаго матеріала целесообразнымъ, ибо слово *конкретнее* предложенія и легче поддается анализу, при чемъ можно оставаться въ предѣлахъ языка, не уходя въ область логическихъ построеній. Мнѣе обосновано, по моему, разсмотрѣніе падежныхъ окончаній въ особомъ отдѣлѣ и внѣ общихъ парадигмъ склоненія. При этомъ, по какой-то странной прихоти типографіи, таблицы окончаній, на которыя учащіяся должны обратить вниманіе, набраны мелкимъ шрифтомъ. Примѣровъ на списываніе, дописываніе, разборъ и т. д. въ книгѣ множество и въ общемъ выборъ и расположеніе ихъ сдѣланы целесообразно. Но въ этомъ отношеніи книга находитъ себѣ много соперницъ, въ лицѣ грамматикъ К. Петрова, Абраменки и т. д.

Хуже практической стороны книги составлена теоретическая. Укажу на замѣченные мною промахи:

1. Невѣрно то, что сказано о полугласныхъ звукахъ на стр. 1. Затѣмъ на той же страницѣ къ числу звуковъ, которые опредѣлены какъ *неделимая* часть слова, отнесены я и ю, что также не вѣрно.

2. На стр. 21 дано ошибочное опредѣленіе полногласія.
3. На стр. 14 написано *б-кое*. Не сразу придумаешь, какая здѣсь пропущена гласная.
4. На стр. 27 находимъ такое правило: „Согласныя *ч* и *щ* передъ *и* произносятся какъ *ш*“. Учить этому дѣтей не слѣдуетъ. Ничего нѣтъ хорошаго въ томъ, что они читаютъ.
„И скушно, и грустно“...
„Скушно, скушно, ящичекъ удалой!“
5. Излишне ортоэпическое правило на стр. 31 (§ 35).
6. Не практично въ учебникѣ печатать жирнымъ шрифтомъ слова *идрава*, *страва*, *шевроше*, указывая, что такъ писать и говорить не слѣдуетъ.
7. На стр. 42 читаемъ: „Предложеніе есть мысль, выраженная словами“. Это—грубое смѣшеніе понятій.
8. На 43 стр. не точно правило: „Слитное предложеніе можно разложить на простыя“, ибо есть слитныя предложенія, съ которыми этого сдѣлать нельзя (напримѣръ, въ началѣ басни „Квартетъ“).
9. Невѣрно, что въ словѣ *море* *е* произносится какъ *я* (стр. 49): оно произносится неопредѣленно.
10. На стр. 51 слово *Пушкинъ* отнесено къ существительнымъ собственнымъ. А какъ же быть со склоненіемъ этого слова?
11. На стр. 55 не точно опредѣленіе прилагательнаго.
12. На стр. 67: „Глаголь есть *названіе* дѣйствія“. Слово названіе не совсемъ здѣсь уместно.
13. На стр. 93 неудаченъ примѣръ: „Угличъ извѣстенъ по избіенію царевича Димитрія“.

III. Ашишевскій.

*Н. В. Тулуновъ и П. М. Шестаковъ. Очерки и рассказы для первоначальнаго знакомства съ исторіей. Часть I. Москва. 1907. Стр. 209. Цѣна 50 коп.

Озаглавленное сочиненіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) Изъ жизни первобытнаго человѣка. 2) Изъ исторіи русскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до XIX вѣка включительно. Большую и главную часть книги составляетъ второй отдѣлъ (русская исторія).

Судя по заглавію, книга нѣветъ въ виду читателя, незнакомаго съ исторіей. Что же предлагаетъ она ему?

Въ главномъ отдѣлѣ (изъ исторіи русскаго народа) довольно обстоятельно изложенъ только древнѣйшій періодъ русской исторіи —

па брюшкѣ, да еще на той же страницѣ (140), гдѣ изображены циклопы, ихъ не имѣющие?

Почему термину: двурядная симметрия авторъ предпочитаетъ другой—тоже самобытный: „двухсторонняя сходственность“ (стр. 148)? „Сходственность“ служить въ биологiи обыкновенно для перевода термина „аналогія“, а не „симметрия“.

Гастральная полость кишечно-полостныхъ отнюдь не соответствуетъ кровеносной системѣ, какъ увѣряетъ г. Персональный (стр. 173). Насколько я понимаю, при установленiи „системы животныхъ“ онъ говорить о морфологiи, а не о физиологiи органовъ. Представленiе о томъ, что тѣло позвоночныхъ заключаетъ двѣ полости: позвоночный каналъ и полость тѣла (стр. 174) по своей древности и невѣрности должно быть сдано въ архивъ.

Приложенные биологическіе очерки составлены лучше систематической части учебника.

Вообще, если бы г. Персональный попробовалъ не писать „изъ головы“, не предаваться самобытнымъ обобщенiямъ, а просто изложить то, что онъ нашелъ въ болѣе пространныхъ учебникахъ, то, при его педагогической опытности, онъ могъ бы написать хорошій учебникъ.

Я не считаю и этотъ учебникъ плохимъ. Несомнѣнно, что изъ него можетъ выработаться даже недурное руководство.

В. Шинишевъ.

*Д. П. Овсянко-Куликовскій (бывш. профессоръ Харьковскаго университета).
Грамматика русскаго языка. М. 1907. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Стр. 126.
Цѣна 35 коп.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Овсянко-Куликовскій пишетъ, что составленная имъ грамматика рассчитана на четыре года обученiя (отъ 3 до 6 класса) при одномъ недѣльномъ урокѣ. Сообразно съ этимъ предлагаемый курсъ дѣлится на три части: 1) ученiе о предложенiи и его частяхъ и общее понятiе о частяхъ рѣчи; 2) ученiе о частяхъ рѣчи и о выраженiи ими частей предложенiя, и 3) разложенiе слова, изученiе его звуковой формы (фонетика и этимологiя).

Изъ предисловія не видно при этомъ, о какомъ типѣ школы говорятся и какъ надо понимать третій, четвертый и т. д. классы: въ смыслѣ ли годовъ школьнаго обученiя, или классовъ высшей школы

или, наконецъ, классовъ средней школы? Вслѣдствіе этого очень трудно сказать что-нибудь опредѣленное о книгѣ г. Овсяннико-Куликовскаго съ точки зрѣнія ея примѣнимости къ современнымъ условіямъ нашей средней школы.

Если рѣчь идетъ о классахъ средней школы, то напечатанный курсъ предполагаетъ, очевидно, нѣкоторую пропедевтику грамматики, а въ такомъ случаѣ *положеніе* автора о томъ, что естественное начало грамматическаго курса есть ученіе о предложеніи, окажется не вполне подходящимъ къ данному случаю.

Но книгу г. Овсяннико-Куликовскаго трудно примѣнить къ условіямъ нашего грамматическаго преподаванія въ средней школѣ не только потому, что она рассчитана, повидимому, не на тѣ классы, которые, по книгѣ дѣйствующимъ программамъ, посвящаются обученію грамматикѣ, а также потому, что, какъ система изложенія курса, такъ и классификація грамматическихъ явленій у г. Овсяннико-Куликовскаго не тѣ, которыя приняты въ нашихъ школахъ.

Синтаксисъ въ его книгѣ объединенъ съ морфологіей; орфографическихъ указаній почти нѣтъ.

Мѣстоименіе и числительное не рассматриваются въ книгѣ какъ особо изучаемыя категоріи, причастіе же составляетъ особую категорію.

Я начинаю съ этихъ формальныхъ соображеній не въ тѣхъ видахъ, чтобы указать на несправочность новаго учебника, но лишь затѣмъ, чтобы въ дальнѣйшемъ разборѣ не считаться съ программой, а рассматривать книгу лишь по существу, въ ея научной и, главное, педагогической цѣнности.

Всякій учебникъ долженъ быть, конечно, рассматриваемъ съ точки зрѣнія учащагося, и достоинства его опредѣляются прежде всего его *усволемостью*. На первыхъ же страницахъ новаго руководства мы находимъ мѣсто столь трудное для усвоенія и тѣмъ болѣе для самостоятельной и сознательной передачи въ словахъ учащагося, что оно неволью останавливаетъ наше вниманіе.

„Предложеніе есть такое слово или сочетаніе двухъ или болѣе словъ, которое служитъ для высказыванія того, что этими словами обозначается“.

Замѣьте, что при этомъ ранѣе слово *высказываніе* имѣло при себѣ въ скобкахъ слово *утвержденіе*.

Опредѣленіе кажется нѣсколько непонятнымъ и благодаря послѣдней своей части: *что этими словами обозначается*.

Этими словами значить ли отдѣльно или соединеніемъ этихъ словъ?

Для класса и дѣтей вообще опредѣленіе придется, по моему, переложить.

Пойдемъ далѣе.

„Подлежащее есть та часть предложенія, которой приписывается то, что обозначено и высказано сказуемымъ“.

Здѣсь непонятна роль, которую играетъ въ опредѣленіи слово обозначено при стоящемъ далѣе высказано.

При дальнѣйшемъ встрѣчаемся съ нѣкоторою неточностью.

„Подлежащее есть обозначеніе или называніе (попен actionis)“... Послѣ двухъ попытокъ дать научное опредѣленіе подлежащаго, г. Овсяннико-Куликовскій останавливается на самомъ распространенномъ въ начальныхъ грамматикахъ, а именно „во вопросу кто? что?“ Послѣдовательно ли это, и можно ли даже назвать *опредѣленіемъ* этотъ *эмпирический способъ* отличить подлежащее? Да и способъ то, въ сущности, едва ли даже цѣлесообразный: сказуемое существительное отвѣчаетъ также на вопросы кто? или что?

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря объ опредѣленіи, какъ части предложенія (отчего авторъ не хочетъ сохранять обычное членъ предложенія; въ отличіе отъ *части рѣчи* метафора *членъ* для обозначенія *функции* слова въ данномъ словосочетаніи вполнѣ подходящая), г. Овсяннико-Куликовскій опять прибѣгаетъ къ выдѣленію посредствомъ вопроса. Способъ этотъ не можетъ назваться даже особенно практичнымъ.

Слова г. Овсяннико-Куликовскаго на стр. 8: „Итакъ опредѣленіе есть часть предложенія, отвѣчающая на вопросъ какой, какая, какое? и т. д.“ должны быть пополнены словами: „и стоящая при имени существительномъ (или названіи предмета)“.

Иначе опредѣленіе окажется неточнымъ, а признакъ не: характеристичнымъ, въ виду такихъ примѣровъ: „Эта книга—моя. Не я—первый, не я и послѣдній“.

Въ § 5 при перечисленіи частей предложенія г. Овсяннико-Куликовскій констатируетъ измѣненіе въ грамматической терминологіи. Мы находимъ здѣсь три раза употребленное слово *связка*: *связка сказуемаго*, *связка дополненія* (вм. нашего *предлогъ*) и *связка однородныхъ частей*.

Это мнѣ кажется непрактичнымъ, а, кромѣ того, названіе *предлога связкой дополненія* я считаю неточнымъ: самая исторія предлога

противорѣчить этому названію; въ настоящемъ же ихъ употребленіи предлоги служатъ вовсе не для связи, а для *опытненія* или подновленія надежнаго значенія, ср. самоваръ *красной мѣди*—самоваръ изъ красной мѣди; старый *домой* (окаменѣвшая форма, ост. ф. дательнаго падежа) и къ дому; сравни *долон, долу, кизизу*.

Именно также опредѣленіе союза какъ *связки одноименныхъ частей*.

По ученію г. Овсяннико-Куликовскаго въ словахъ *комната дѣтей* слово *дѣтей* есть дополненіе къ слову *комната* (стр. 49, беру примѣръ изъ книги); *моя* есть *опредѣленіе* (см. выше) къ слову *комната*. Если я скажу *комната моя и дѣтей*; шляпа *простая или съ перомъ*,—я соединю такимъ образомъ части предложенія не одноименныя, а слѣдовательно опредѣленіе союза неполно.

Въ предисловіи авторъ книги говоритъ о томъ, что грамматику надо *излагать, рассказывать, объяснять*, какъ другіе предметы преподаванія географію, исторію и т. д.

Книга его, дѣйствительно, отличается крупными достоинствами въ этомъ отношеніи.

Вопросъ о *сказуемомъ* и его частяхъ изложенъ обстоятельно на первыхъ же страницахъ. Но этотъ приемъ примѣняется г. Овсяннико-Куликовскимъ неравномѣрно. Напримѣръ, говоря на 26 страницѣ о *собственныхъ именахъ*, авторъ не только не опредѣляетъ ихъ, но и не даетъ никакого объясненія этому термину.

Г. Овсяннико-Куликовскій освободилъ свою русскую грамматику отъ элементовъ этой науки не сродныхъ: такъ, мы не найдемъ въ его книгѣ особой главы о *междометіи*, объ *именахъ увеличительныхъ* и т. д.; учебникъ освобожденъ и отъ *ореографическихъ отдѣловъ*: въ этомъ отношеніи учебный предметъ долженъ считаться въ руководствѣ г. Овсяннико-Куликовскаго безусловно *обновленнымъ* и *поставленнымъ* опредѣленіе и строже, чѣмъ это было до сихъ поръ. Весьма интересна также попытка объединить на учебной почвѣ морфологію и синтаксисъ.

Само собою разумѣется, что въ книгѣ нѣтъ ошибокъ, кромѣ, можетъ быть, случайныхъ недостатковъ: имя автора освобождаетъ насъ во всякомъ случаѣ отъ ихъ отысканія. Но все-же я думаю, что при четырехъ годахъ обученія грамматикѣ можно бы было дать учащимся нѣсколько болѣе свѣдѣній и обобщеній, касающихся ихъ роднаго языка, чѣмъ сдѣлалъ это въ своей книгѣ г. Овсяннико-Куликовскій.

Напримѣръ, на 29 страницѣ говорится о формѣ существительныхъ послѣ *два, три, оба, четыре*.

Г. Овсянко-Куликовскій констатируетъ разницу въ удареніи этихъ формъ сравнительно съ формой множественнаго числа. Но для нашего сознанія, какова бы ни была историческая основа явленія, формы существительныхъ послѣ вышеозначенныхъ словъ суть формы родительнаго падежа 'единственнаго' числа. Это достаточно доказывается и совпаденіемъ ударенія и тѣмъ обстоятельствомъ, что, не слышавъ существительнаго послѣ *три, четыре* и т. д., мы спрашиваемъ чего ¹⁾, а не что. Соответственно съ этимъ на стр. 28 сл. мы ожидали указаніе на *собирательное* имя, хотя бы въ видѣ примѣчанія. Вѣдь выдѣлялъ же г. Овсянко-Куликовскій *притяжательное* и даже *относительное* прилагательное.

Кстати я возражаю противъ умѣстности слова *сорть* въ примененія къ грамматическимъ категоріямъ (стр. 53). Сорть предполагаетъ различіе по качеству, цѣнности, годности, достоинству — все это понятія, съ которыми грамматической номенклатурѣ нечего дѣлать.

Кое-что я ожидалъ бы въ книгѣ г. Овсянко-Куликовскаго и по поводу словъ, какъ *Ивановъ, Пушкинъ*. Г. Овсянко-Куликовскій помѣщаетъ слово *Пушкинъ* среди *существительныхъ собственныхъ*, а на страницѣ 55, говоря о прилагательныхъ *куцовой, осенней*, авторъ замѣчаетъ, что „крайне рѣдко приходится слышать ихъ склоненіе по всемъ падежамъ“. А какъ же быть со склоненіемъ *Чеховъ, Пушкины*? Внимательные ученики напрасно будутъ искать для нихъ образца среди склоненій существительныхъ, которая подробно разсмотрѣны въ книгѣ г. Овсянко-Куликовскаго.

Не мѣшало бы остановить вниманіе учащихся на слѣдахъ склоненія тѣхъ качественныхъ краткихъ, которыя теперь по общему правилу не склоняются: *по просту, по добру, по здорому, за добра ума* и т. д. Новъ-городъ, Нова-города, Нову-городу, Новѣ-городѣ.

Авторъ избѣгаетъ говорить о церковно-славянской стихіи въ русскомъ языкѣ и вообще дѣлать историческія экскурсіи, но мнѣ кажется, что даже въ краткой морфологіи, особенно учебной, нельзя не констатировать такихъ формъ какъ *дверьми, лошадыми*, гдѣ наша рѣчь избѣгаетъ аналогизирующаго вліянія темъ на ѥ.

Въ третьей части книги мы напрасно искали *многочасія*.

¹⁾ Я далъ и нѣсколько характерныхъ примѣровъ въ моей рецензіи на „Синтаксисъ“ г. Овсянко-Куликовскаго.

Нѣкоторые вопросы показались мнѣ изложенными въ книгѣ г. Куликовскаго неясно. Такъ, говоря объ инфинитивѣ, онъ называетъ формы *читать, говорить* и т. д. *неопредѣленно личными* (стр. 68), въ виду того, что можно сказать *я хочу читать, ты началъ читать* и т. д.

Я старался выяснить себѣ умѣстность термина *неопредѣленно-личный* съ исторической или психологической точки зрѣнія, но не могъ этого достигнуть. Ученикъ во всякомъ случаѣ здѣсь ничего не пойметъ.

На той же страницѣ читаемъ слѣдующее въ недоступной учащимся формѣ изложенное опредѣленіе.

„Время въ глаголѣ есть, ни что иное, какъ отношеніе (во времени) обозначаемого признака къ высказыванію“.

Подаетъ поводъ къ невѣрнымъ истолкованіямъ и такое утвержденіе на стр. 73:

„Въ повелительномъ (?) всегда два лица: одно, которое говоритъ, выражая свое желаніе, требованіе и т. д., и другое, къ которому обращено требованіе“.

При чемъ же тутъ *повелительное наклоненіе*? Если кто скажетъ просто *ты ищешь*, то о данной личной формѣ придется сказать совершенно то же, что говорится у г. Овсяннико-Куликовскаго о формѣ повелительнаго наклоненія.

Изъ мелочей укажу на непріятно дѣйствующія написанія (лишь мѣстами, правда) *наръче, причастіе*, вмѣсто обычныхъ церковно-славянскихъ *нарчѣ, причастіе*.

Въ видѣ *парадигмъ* сомнительными кажутся мнѣ также формы: *привесть, принесть* (стр. 85).

Напечатана книжка г. Овсяннико-Куликовскаго очень внимательно и чрезвычайно дешева, особенно въ виду перваго изданія.

III. Аппендиксъ.

Справочная книжка по чтенію дѣтей всѣхъ возрастовъ. Составилъ М. В. Соболевъ. 2-е дополненное изданіе. Изд. т-ва А. Ф. Маркса. С.-Пб. Цѣна 2 руб.

Въ 1-мъ изданіи „Справочная книжка“ эта одобрена: главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, учеными и учебными комитетами министерства земледѣлія, министерства финансовъ и собственной Его Императорскаго Величества канцелярія по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Въ настоящемъ изданіи составитель продолжилъ